

Нина САДУР

ЛЁТЧИК

(Ночная пьеса в 2 актах)

*"После долгих лет смерти череп становится
чистым и пустым. Но прислони глаза к его глазницам
и увидишь, как мерцают и тихо поют в нём демоны"*

Вместо эпитафии.

«Как умирать сладко!»

Предсмертные слова Гоголя.

Действующие лица:

ЛЕНА ЗАЦЕПИНА, 13 лет

ПЕТЯ ЛАЗУТКИН, 13 лет

МАРЬЯ ПЕТРОВНА, 57 лет

ЗИНОВИЙ ЛАЗУТКИН, 40 лет

РИММА ЛАЗУТКИНА, 40 лет

ЭЛЕКТРИК, 30 лет.

ПАОЛО, 80 лет

ТАДЖИК. 30 лет

*СТАРУХИ, ШКОЛЬНИКИ, РАЗВЕДОТРИАД СЛУЖБЫ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ.
МАЙОР. СЕРЖАНТ ШКРАБА. БОЕЦ.*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА 1

Москва. Наши дни.

Зимняя предутренняя ночь.

Двор дома Полярников. Здесь же стоит памятник ГОГОЛЮ.

Свет из окон дома падает на уныло опущенное лицо памятника.

*Из дома выходит старик **ПАОЛО**. На грязную пижаму накинута тяжёлая лысая шуба.*

На ногах тапки. Ноги старика увязают в мокром снегу, но он не замечает этого.

ПАОЛО тревожно бродит по двору, по снежному месиву.

*Во дворе появляется дворник-таджик в оранжевой куртке. Это **ШАМШИД**. На спине его крупно написано: РЭУ-5.Таджик смотрит на мокнущего старика, жалеет его и начинает расчищать мокрый снег у ног его.*

Визгливый скрежет лопаты болезненно мучает Паоло. Он хочет уйти, убежать от этого звука, но дворник неотступно следует за ним. Спасая ноги старика, он отбрасывает и отбрасывает снег от них.

ПАОЛО. Замри, таджик! И слушай!

Оба вслушиваются. Но город ещё спит. Далеко гудят водоотсосы, откачивающие воду Москвы-реки, подтопляющую Дом Полярников, и гремят мусорные контейнеры – их выгружают в соседних дворах.

ПАОЛО. Водоотсосы. Их каждую ночь включают – Москва-река подтопляет Кремль и Дом Полярников, оба эти строения дрейфуют на чёрных водах московской ночи, они больше не могут, они хотят уйти из города. Смотри, таджик, город ещё спит, о, страшный, о древний! Полярный город моей жизни! Теперь и твоей жизни, таджик... С

мечтой об огне ты пришёл сюда, на свет его алых звёзд пришёл, но они не светят и не греют, ха-ха! Они кровенят ночной мрак тусклым мерцанием и всё. Страшный мертвец сосёт жизнь этого города! Но человек несёт сюда мечту свою и кладёт её к красным гранитным ногам мавзолея. Беги, таджик, беги в свой Хульбук, листай обратно страницы истории своего исчезающего народа. Чем глубже назад, тем светлее и жарче, тем сильнее разгорается древнее солнце, опалившее смуглотой тебя и через тысячи тысяч лет. Ты глуп, голоден и жалок, ты жесток, коварен и доверчив, ты пришёл в Москву за добычей, но здесь давно уже нет солнца, здесь только ночные водоотсосы. Знай, глупый дворник, тьмы народов пройдут и канут, но этот город стоять будет! Убиваемый и бессмертный. Унижаемый и надменный. Злопамятный, как старая дева. Недоступный, как весна. Удивительно то, что твой мир канул навек, и вот – мой мир кончается, но кого мне жалче, вот вопрос? За что мы – столь совершенны, ядовито-чувственны, прелестны, но неумолимо рассыпаемся в прах? Но чу! Этот предутренний миг, им владеют лишь дворники и старики... Абсолютная тишина в абсолютной Москве!

Абсолютная тишина.

И вдруг вдалеке, слабый, но манящий зазвучал голос.

ГОЛОС. Паоло... исполни... Паоло... исполни... Паоло... исполни...

ПАОЛО. Древний зов. Но бояться нельзя. Страх их привлечёт и они разорвут.

ПАОЛО задумчиво направляется к своему подъезду.

ШАМШИД. Старик!

ПАОЛО. Чего хочешь, таджик?

ШАМШИД. У тебя есть очаг?

ПАОЛО. Идём.

Шамшид торопливо следует за Паоло.

ШАМШИД (бормочет) Булка есть? Чай есть?

Оба скрываются в подъезде.

Через минуту во двор вбегает отряд вооружённых мужчин. Озираются, выставив перед собой автоматы. И так же молча отступают обратно, во мрак. На чёрное месиво дворового снега ложится золотой квадрат света – зажглось окно в доме Полярников. Тема Города и метели и тревоги нарастающей. и сразу падает тишина и в ней пляска вооружённых мужчин. в полной тишине. всё, как осматривают двор, как ищут кого-то, это пляска в тишине. С топотом и сильным дыханием. Пляшут, как бешеные, бряцают оружием...

КАРТИНА 2.

Здесь красивая спокойная тема безмятежного уюта. Так жили мы когда-то своими семьями в своих домах в великой сонной имерии и были счастливы.

Комната Паоло в Доме Полярников. Паоло отходит от окна, задернув оконную штору. Идёт через старинную интеллигентскую комнату: полки с книгами, обшарпанный письменный стол. На потолке лепнина. На столе глобус, на стене карта СССР. В углу комнаты, главная роскошь, всех поражающая – чучело белого медведя.

Шамшид стоит, нависнув над накрытым к чаю столом, зачарован до верха полной сахарницей... кажется, вот-вот потеряет сознание. Тайно кладёт кусочек за пазуху.

ПАОЛО. *(задёргивая шторы).* В сорок первом нам запрещалось зажигать свет, не используя при этом оконные затемнения. Привычка с тех пор. Освещённые окна служили отличной мишенью немецким бомбардировщикам. В 91 я видел красную полосу трассирующей пули. Как будто она все эти годы летела, ещё с той войны и вот, дотащилась. Она шла вдоль этого окна. На уровне глаз. Чаровало. Сил не было отвести лица. Было рукой подать. А я ведь уже столько пожил. Кажется, имел право на мирную жизнь. Но пули у них на нас остались. *Их запас на нас.*

ШАМШИД. *(бормочет по-таджикски)* Мешок. Мешки. Много мешков.

Но, как только Паоло отворачивается на минуту, Шамшид вновь быстро крадёт кусок сахара, бросает его за ворот рубахи. И сразу ему намного лучше – румянец заиграл на щеках, глаза мягко заблестели, чёрные волосы завились колечками на шее и висках.

ПАОЛО. Вижу, тебе уже лучше. Вот и славно! Пей чай! Зимняя ночь длинна, но одиноким спешить некуда! Но вернёмся к 90-тым, друг-таджик. По телевизору смотрел взятие Белого Дома. Нравилась стремительность показа – прямой эфир! но звук отставал – вначале реальный взрыв за окном, а потом звук этого, уже канувшего в лету взрыва – на экране. Здесь ведь рукой подать до всего! Такое тут место! Дворник, знай, этот окаянный Дом Полярников в миллиметре от всякой чистой - нечистой власти и в одном поцелуе от яремой жилы великой Родины моей.

Шамшид трёт белоснежную рубаху на груди, тревожно взглядывает на окно.

ШАМШИД *(по-таджикски)* Мешок. Мешки. Много мешков.

ПАОЛО. *(ободряюще)* Ободришься, они ушли. Они ничего не заметили. Они даже не очень знают, чего хотят. Здесь на каждого кто-нибудь охотится. Так прочерчен этот город. Все тропы испещрены. Но это не значит, что каждый будет пойман. Смотри веселей! *(замечает жадность Шамшида к сахару).* Клади сахар. Клади два куска. Клади три. Да вали, сколько хочешь! Ладно уж! Набей карманы! Люблю смотреть, как голодный и замёрзший оживает и приободряется.

ШАМШИД. Набат. Нишалло. Набат. Нишалло. Нишалло!

Шамшид, смеясь, целует сахар, грызёт его белыми зубами. Поёт на таджикском языке.

ПАОЛО. Вижу, вижу, ты промёрз, ты растерян в чужом городе. Кушай и пей, кушай белую булку и пей огненный сладкий чай. Это и есть счастье. После холода – счастье. Когда кажется – никто тебя не любит. Играй спичкой с великой Вьюгой, не дрогнет никто. Но всмотришься, всмотришься в это мельтешение жизни: вот уж налито тебе, и в кирпично-красное питьё радостно рушится потолок, всем своим смехом- сияньем, размещивай, звеня, сколько хочешь - огоньки только круче завертятся. Ты под оранжевым абажуром, на венском (он вальсирует?) стуле, а миловидная типа Марья Петровна в драконах уж несёт из кухни гору оладушек тебе, смуглый красавец, лихорадочно

соображая – то ли нож она получит в спину, то ли корень твоего мужества вонзится ей меж дрожащих лягвей. Но острого, острого она ждёт в свою сдобно-жертвенную тушку! О, ты не знаешь ещё, девственник на что способны зрелые русские женщины. Ведь она только что сдала своего мужа в ЭНКАВЭДе. Впрочем, не знаешь ты также, на что способно зрелое ЭНКАВЭДЕ. Но вернёмся к чаю. Точно так же в 41-ом в засекреченной полярной экспедиции. я замерзал до смерти, но всё обошлось –. Меня отогрела самка белого медведя. Спасла от голодной смерти своим молоком. Про неё написала "Правда". Белая потеряла детёныша, и рухнула с нежностью на меня. Это и был мой горячий чай, друг таджик!. Только не спрашивай, что мы искали в том году во льдах крайнего Севера. Это есть государственная тайна. За разглашение – расстрел!!! На веки веков. *(лукаво)* Тем более, мы не нашли. И тем более – любые веки можно поднять.

ШАМШИД пытается изобразить мешок. Он берёт одеяло с кровати и связывает его, как мешок.

ШАМШИД *(по-таджикски)* Мешок. Это мешок. *(По-русски)* Скажи, старик, вот – это что по-твоему?

ПАОЛО. Положи одеяло. Отгадай лучше, что я люблю больше всего на свете? Правильно – я люблю искать обмороженными губами тугие соски в тяжелопахнувшей, рыжеватой от потёков мочи шерсти, слышать тяжёлый стук крови в висках и нежный рык матери-медведицы, которую сосут. Потом сладко дрыхнуть носом в мамину пухлую шерсть, а – пускай – мама тушой не надавит на рану в груди и – сквозную, в животе. Носом смажет кровь со снега и в глаза поцелует. Мать моя белая медвежья оторопь. Знала ведь всё. Взяла ж. Примирилась великодушно медвежьей душой. Такая зверино-снежная мать. Наш лётчик увидел с полярного неба – из-под белого медведя торчат ноги в чёрных ботинках. И, как высшее существо, спас подмятого. Прошил шкуру пулемётом. Рыдал!!! Весь Советский Союз снял шляпу. Восторг единения.

Шамшид рассматривает одеяло.

ШАМШИД. Хорошее одеяло.

ПАОЛО. Последнее. Мне уж за восемьдесят, последняя осьмушка жизни, я его износить не успею. Новое покупать не имеет смысла. Так в магазинах я в одеяльный отдел даже не захожу – время и силы даром не трачу. К полезному тянусь, насущному – носки, мыло детское, горчичники, сигареты "Памир". А спать ложусь - перебираю все его цветочки – хочу последнее одеяло своё помнить наизусть.

ШАМШИД*(кивает)* Большое дело – одеяло. У меня в деревне был дом. Было восемь стёганных курпачей. Будешь говорить, что я бедный? *(осторожно)* Скажи, старик, что ты думаешь про мешки?

ПАОЛО. Я про мешки не думаю. Я думаю про одеяло. Тело, некогда буйное и горячее, жадно мчавшее меня по жизни, засыпает – засыпает - засы-па... одеяло знает всё. Каждый всхлип, каждый пук. Одеяло – последний друг человека. Вот я и думаю – как это? – последнее одеяло моей жизни.

ШАМШИД На стенах не было пустого места – сюзани в узорах, ковры. Кошма была на весь пол. Под каждой стеной курпачи. На каждый день свой дастархан! было! Чайный сервиз был. Посуда была разная.. Два кованых судука. Две дочки – два сундука с приданым. У жены коробочка с бусами была. Марджон был у жены такой древний, что в

нѐм кораллы умерли. Дочки английский язык изучали. Будешь говорить, что я бедный? Тебе никто не поверит.

Танец девушек с цветными одеялами –в конце танца им так холодно, что они заворачиваются в эти одеяла, и замирают цветными мешками в тѐмных углах комнаты. Паоло сдѣргивает один из восточных курпачей и драпируется в него, как в тогу. девушка вкрадчиво, липуче, стягивает курпач обратно и уползает с ним в темноту. Паоло не видит, что обворован, и смешон, стоит в величавой позе – грезит о прошлом величии.

ПАОЛО. Таджики, почему ты не спросишь, что искала наша полярная экспедиция 41 года? Нас даже отпустили с войны ради этого! Ради нас даже построили этот дом, Дом Полярников, чтобы семьи наши жили в условиях повышенного комфорта. По личному проекту товарища Сталина. И – дом до сих пор прелестен, советско-барский, с закутками для прислуги, с ответвлениями гулками в подъездах, с гордым парадным и продувным чѐрным ходом, с групповыми портретами полярников в холлах, с фикусами по углам, с неозначенными нигде комнатками и ниоткуда глядящими узенько хитренько окошками... а в сумерках милого дома застряло эхо напольных часов, а вентиляционные шахты заставляют замирать чистильщика. А недавно здесь под паркетом при евроремонте нувориш из Армении выковырнул ржавый наган. Спроси, спроси про экспедицию! Хотя я не отвечу. Я слово давал генсеку, ослепительному товарищу Сталину. Давал слово молчать, молчание типа тьмы. Чернота и бездна так молчат. Только чуть-чуть мигают рубины кремлёвских звѣзд в молчании в этом. Но тот ли он господин, что навеки запечатывает уста нам? Тот ли?! Ух, прямо не знаю! Запотеваю от мыслей. Вот, что мучает меня порой.

Шамшид драпируется в курпач, принимает величавую позу Паоло и неожиданно с восточным мотивом поѐт монолог свой по-русски. Девы повыползли из углов и оформляют его пение движениями.

ШАМШИД. Я механизатор. Обслуживал ирригационные системы Канибадамского района. Но системы разрушились. И хлопок поливает дождь. Жена сказала, Шамшид, езжай в Москву, заработай денег. Я и дочери руками собираем хлопок на плантациях с другими таджикскими женщинами и девочками, потому что комбайны тоже разрушились.. Теперь я убираю здесь снег. Летом поеду домой. Спасибо, Паоло. Мне пора. Снова падает снег, когда рассветѣт, ЖЭК увидит безупречную белизну двора, заругается, выгонит Шамшида замерзать.

Паоло растроган, ему жаль дворника. он говорит просто.

ПАОЛО. Бери одеяло. Я без него посплю. Здесь центр, здесь отлично топят.

Шамшид берѣт одеяло, садится обратно, за стол.

Хорошо-то оно, хорошо, когда есть одеяло. Тем более в такой стране продувной Одно бы пошить такое одеяло, чтоб всю мою зимнюю Родину укрыть, наконец. Я, видишь ли, патриот. Но силы мои на исходе.

ШАМШИД.*(теребит угол скатерти)* Моя жена теперь на Памире Она приедет летом, продавать бусы из индийских камней, здесь у вас на Арбате. На Памире нужны одеяла. Жена кашляет на Памире, ей там холодно. Лѣгкие жена застудила не там, не в наших горах, а у вас, под землѣй, в московском метро, когда продавала бусы из индийских

каменной. Теперь кашляет на Памире у родни. Ваш подземный кашель в наших горах гремит. Больше не будет хлопок убирать. Мало платят Раньше я хорошо знал русский язык. Теперь забыл. Ты очень быстро говоришь. Говори медленнее. Какой у тебя хороший дастархан. Это таджикский хлопок.

ПАОЛО. Возьми дастархан. Думай, что всё вернётся.

И Паоло и Шамшид вернулись из своих грёз, они видят друг друга и жалеют друг друга.

ШАМШИД. Не плачь ни про что. Паоло, скажу тебе. Рискую работой, но ты добрый старик, Павел Иванович. и я скажу. В ЖЕКЕ говорят, ты не пускаешь слесаря к себе, а сам течёшь на нижних жильцов. На Зухру-апу течёшь и сына её, чеченского головореза Гыгыза. Не сокращай себе дни жизни, Паоло. Пусти слесаря к трубам своим. Я тебе просто так сказал, я больше ничего не возьму. Ты и так много мне подарил. *(Встаёт.)*

Паоло боится остаться один со своей тайной.

ПАОЛО. Нет, нет, подожди, Шамшид. Ещё темно. Рассветёт не скоро. Не очень-то тебе можно выходить в тёмный двор. Хочешь, я расскажу тебе что-нибудь про моих соседей? Что-нибудь весёлое, увлекательное и дикое?

ШАМШИД*(вежливо)* Зачем? *(Ему неинтересны тайны, он бытовой человек, хитрый дворник).*

ПАОЛО. Пойми, не могу я сказать тебе, что искала наша экспедиция. Это тайна государственного значения.

ШАМШИД. Про конкретных людей? Про жильцов?

ПАОЛО. Ну да! Ну да!

ШАМШИД. Хорошо. Я должен знать их нравы. Я дворник у них под ногами. Узнать всё равно придётся.

Паоло берёт сигарету и зажигает спичку. Шамшид зачарованно смотрит на огонь.

Тема адского огня. нашей сегодняшней дикой жизни.

Возможно, первые нотки ЗОРОАСТРИЗМА – ведь таджик зороастриец..

Вообще, в этой сцене можно и так сделать: что ударный момент, когда Паоло и Таджик бьются одеялами. Такой танец-битва. У Паоло советское одеяло, а у таджика цветной курпач, и этот танец-битва – он битва двух цивилизаций. Которые обе подышают.

Тут возможны и девы восточные и всё, что я расписала раньше в этой сцене.

Эта сцена где-то в середине сцены, когда речь зашла о курпачах. далее всё идёт на спад и примирение.

ПАОЛО. *(поводя зажжённой спичкой)* "Чтоб вы знали, уроды: химия – первооснова всех знаний человечества".

КАРТИНА 3

Московская школа. Кабинет химии.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА, ПЕТЯ, ЛЕНА, ЭЛЕКТРИК

*Марья Петровна у стола с ретортами показывает опыты по химии.
Искра от реактива падает на подол её платья и тот начинает медленно тлеть.
Лена и Петя сидят за партами.*

Здесь много деловитости, современная московская и дневная школьная жизнь.

Марья Петровна поёт таблицу Менделеева.

Дети изображают элементы (пластически, строят формулы и реакции смешений элементов таблицы) Это красивый, надо бы вообще без иронии, а на "полном серьёзе" с сопением и старанием показать, как реагируют элементы друг на друга в опытах. Мы тут ещё не знаем, что Марья Петровна тихо и тупо преподаёт детям алхимию, мы на скучном школьном уроке химии....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Чтоб вы знали, уроды – химия первооснова всех знаний человечества! Химия изучает соки металлов! Соки, это вещества, питающие всю материальную сторону мироздания. Это любой идиот знает. Ну да ладно. К доске пойдёт... Зацепина, что ты так пялишься на меня?

ЛЕНА Я не пялюсь.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА А что же ты делаешь?

ЛЕНА. Не знаю...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Не смейтесь, дети. (*Никто и не смеётся*). У Лены Зацепиной папа безработный дальнобойщик, а мама вообще неизвестно где. Лена у нас голодная ходит всю дорогу и сапоги у неё рваные. Она даже читает по складам, очень тупая девочка. И как человек неприятная: в голове туман, в глазах вечная мерзлота. Скоро её отдадут в детдом, а в детдоме, дети, с сиротами такое вытворяют, и пожаловаться некому. Так, Зацепина?

ЛЕНА. Так.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА А ты знаешь, Зацепина, что сирот на органы продают?

ЛЕНА . Знаю.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Знаешь... Так что готовься, Зацепина, никто за тебя не заступится. Советская власть кончилась. И обратной дороги нет! Да шучу я! Хоть бы улыбнулась, хоть из вежливости! Нет, ты кончишь пялиться на меня, а? Что, думаешь, самая красивая? Лазуткин. Петя, скажи, красивая у нас Зацепина?

ПЕТЯ. Зацепина страшная.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. На себя посмотри, Лазуткин. Тихонький, сладенький, сопельки жуёшь, губу до пупа отвесил, а твои товарищи от тебя шарахаются. Как думаешь, кудряш, почему?

ПЕТЯ. Не знаю.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Родители у тебя богатые, а ты сутулый, и шею гнёшь. У тебя что, шея без костей совсем?

ПЕТЯ. Не знаю.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. "Не знаю" – на том свете не зачтётся. Ха-ха-ха! (*ржёт своей старой шутке. дети мрачно слушают*). Зацепина, ну какого лешего ты пялишься на меня? Только не говори – "не знаю"!

ЛЕНА. На вас платье горит...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Думаешь, я поверила?

ЛЕНА. Не знаю.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Думаешь, я сморгну? Думаешь, я вниз посмотрю, руками начну хлопать по ногам, крутиться начну сама вокруг себя?

ЛЕНА.(тоскуя) Не знаю.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Думаешь, я сдамся? Опыты!!! Лазуткин, быстро повтори мне вчерашний урок!

ПЕТЯ. Аш два эс о четыре плюс натрий о аш получится натрий эс о четыре плюс аш два о!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Опыты! Мне нужны опыты! Повторяем пройденное! Золото добудь!

ПЕТЯ. Я забыл, как!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА Тогда фил. камень, идиотик!

ПЕТЯ. Мы взорвёмся!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Кретин! Смешай элементы и брось, что получится в окно! Смелей, мальчуган, я рядом!

Петя подбегает к столу с препаратами, начинает переливать жидкости по колбам-ретортам. Из колб валит дым, потом густые белые хлопья, сыплются чёрно-красные искры.

Лена же достаёт из-под парты лодочку с парусом и играет ею, гоняя её по парте, как по волнам. Лену застигает то дымом, то густым снегом, то осыпает красными искрами – так она втянута в Петины опыты.

Вылетишь из школы, Зацепина, вылетишь, я говорю! Не смей застилаться дымом! В метель не заворачиваться! Ручонкой мне там не махай из выюги, кораблём не кивай! Не искрись, сволоочь. Дети, дети, Зацепиной тринадцать лет, а она в игрушки играет! Ты и в тридцать будешь такая же дура?

ЛЕНА. Не знаю. (эту короткую реплику она тоненько спела среди диалога, криков и хаоса)

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Ну почему идиотство такое? Почему облако? Почему парус? Это химия, гадина, пойми, это не речка!

Марья Петровна летит к парте и отнимает кораблик у Лены. Лена в отчаянии рвёт на себе волосы.

ЛЕНА. Это дедино. Деда мне подарил. Мой деда подарил лодочку. Деданька мой. тут бы хорошо, чтоб лена, как ребёнок и сирота танец и пение. нежное и трогательное, как положено детям, которые любят своих близких. совсем что-то простое. сердечное.

ПЕТЯ (об опытах) Ух ты!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Врёшь, Зацепина, нет у тебя дедушки родного никакого. . Ты в буфете булки обкусанные доедаешь. Ты от голода синяя. Никто об тебе не заплачет. (она ещё допевает тему "мотив" лены, но злобно, извращённо) (учитываем, что Марья Петровна сгорает)

ЛЕНА. Он сгорит, мой корабль.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Ты хоть стихии не путай, дочка лимитчиков. Корабль принадлежит стихии воды.

ЛЕНА. С вашим платьем сгорит. Завоняет. Дедушка обидится, мой Паоло Иванович... нахмурится он.

ПЕТЯ. Получилось!!!

(Петя двумя короткими репликами скрепил всю сцену. Он немножко заслоняет Лену от гнева Марьи, но и опытами пленён)

Петя с дымящимся препаратом бежит к окну и бросает его в окно.

Взрыв.

Дым рассеивается. Все в лохмотьях.

На полу догорают взорванные клочья учительского платья.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Я жива. Это такое чудо! Дети, не удивительно ли вам, что все мы живём на этом свете? Да, да, все мы однажды родились, пришли в этот мир и живём, и смотрим друг на друга, разговариваем. Все мы кружимся на круглой нашей милой планете под названием Земля. Под одним солнцем и одной и той же луной. Я после работы, дети, приду домой, окорочков нажарю, в постельку закопаюсь и телевизор включу. Я её даже не застилаю на день! А зачем – это же моё самое любимое место в мире! Я всегда в неё стремлюсь! Всегда и отовсюду! Прибегу, лягу. Стану пальцами ног пошевеливать. Не выразить, дети не выразить этого чуда. Можно только поздравить нас всех. Поздравляю нас всех – мы все родились и живём на этом белом свете. Садись, Лазуткин, два.

вот этот бредовый монолог она поёт прекрасным контральто, без единой нотки сарказма. проникновенно и чисто. ангельски. БЕЗ САРКАЗМА!!!

Петя садится на место.

Врывается оборванный ЭЛЕКТРИК.

ЭЛЕКТРИК. Какая падла бомбу кинула?!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Выбирайте выражения, здесь дети.

ЭЛЕКТРИК. Кто меня покалечил? Кто меня напугал?

Видит Марию Петровну пристально, глаза-в-глаза.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Покиньте класс! Вон из класса! Я директору доложу! Я на педсовете вопрос поставлю! Вы урок срываете!

ЭЛЕКТРИК. А кто гирлянды мне порвал! Я нёс! - здесь сто метров новогодних лампочек. Мне актовый зал украшать, ёлку вам зажигать, а мне - на голову! Из окна из вашего!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Да ты сволочь, я посмотрю!

ЭЛЕКТРИК. Если вы будете электриков взрывать, у вас свет погаснет. В обесточенной школе учиться нельзя.

Звонок. В звонке тонкие переливы неземного света. Очень коротко. Но все люди слеповато мигают.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Урок окончен. Все свободны. *(Крайне добродушно).*

Петя и Лена вопят, расшвыривают стулья и бегут из класса.

(Им вслед) Школьники и школьницы. Мальчики и девочки. Молодость и юность. Надежда и будущее. Голубь и ветка. Голубка и лавр! Вам, дети, жить и развиваться, а нам, взрослым, потихонечку стареть и сдаваться. *(смахивает слезу).*

Электрик плюёт и уходит.

КАРТИНА 4

Двор Дома Полярников. На стене Дома Полярников тускло блестят мемориальные доски полярных лётчиков. Идёт снег.

ЗИНОВИЙ, ПЕТЯ. Позже **ЛЕНА.** Позже **ТАДЖИК.**

Зиновий ковыряет гвоздём профиль лётчика на мемориальной доске.

(здесь что-то тревожное, как больное сердце. но и металл – всё же доску ковыряют)

ЗИНОВИЙ. Паоло, холера.

ПЕТЯ. Папа, ветер.

ЗИНОВИЙ. Лётчик- полярник, почёт ему, а он сволочь и пьяница, это все знают. *(царапает).*

ПЕТЯ. Папа, прохожие смотрят.

ЗИНОВИЙ. Взятку дал в департаменте. За это его морду на стену прибили. Увековечился, хам. Холера-Паоло.

ПЕТЯ. Папа, прохожие останавливаются. перешёптываются. Могут милицию позвать, мы царапаем мемориальные доски.

ЗИНОВИЙ. Сынка, хочешь стать лётчиком?

ПЕТЯ. Нет.

ЗИНОВИЙ. Совсем не любишь мечтать.

ПЕТЯ. Мне холодно, папа.

ЗИНОВИЙ. Ты прижмись ко мне, сына. От ветра прижмись, от недобрых взглядов косых. Знай, сына, верь отцу, дитёнок, полярных лётчиков не бывает.

ПЕТЯ. Папа, ты меня жмёшь!

ЗИНОВИЙ. Прямо щекотно внутри, как я тебя люблю, сынка моя! Так бы вот прямо сдавил бы, чтоб хрустнуло! Чтоб кашечки все из тебя выпали, детюнечка сладкая! А вдруг бы ты не родился совсем? Петюня, все есть на свете, а тебя нет. Аж в глазах чернеет. И воет что-то по бокам... Как это – сына моя не родился?! А чё тогда делать? На хрена тогда всё – и мы с Риммой- мамой, и Родина наша, и вся наша беспросветно тяжёлая риэлтерская работа?

ПЕТЯ. Папа, ты намного лучше полярных лётчиков!

На них падает квадрат света из окна Паоло.

Зиновий и Петя, прижавшись друг к другу, смотрят вверх – на окно Паоло.

ЗИНОВИЙ. Не спит, Паоло – холера. Как думаешь, сын, что он сейчас делает?

ПЕТЯ. Гордится собой. Он гордый, папа. Полярные лётчики гордые.

ЗИНОВИЙ. Я так и знал! Холера! А на хрена ему его квартира? Весь почёт позади. А у него сто квадратов – не меньше. А самому жрать нечего. И кашляет так, что во дворе гаражи гремят. Мы его в Капотню в однушку выселим. Мы денег ему предоплатим. Он нам, сына, спасибо скажет.

ПЕТЯ.*(С тревогой)* Папа, только по-честному, в Капотню. Обещаешь, что по-честному, в Капотню?

ЗИНОВИЙ. Как ты жить-то будешь с таким сердцем? Нельзя всех подряд жалеть! Сынка, в детстве ты над каждой мухой ревел!

Зиновий душист Петю в объятиях.

ПЕТЯ(задыхаясь) Папа... папа... папа...

*Входит ЛЕНА ЗАЦЕПИНА. Останавливается и оторопело смотрит на них.
Папа... смотрят. Пусти, папа...*

ЗИНОВИЙ. Кто? Кто смотрит?

ПЕТЯ. Вон та вон. Из нашего класса.

Зиновий и Петя смотрят на Лену. Лена – на них.

ЗИНОВИЙ. Однушка-дешёвка. Общая- двадцать два, жилая – 17, санузел совмещённый.

ПЕТЯ.Папа, тише, все думают, что ты депутат. Ты чё уставилась, Зацепина?

Лена, глядит на квадрат оконного света, в котором стоят отец и сын Лазуткины.

ЛЕНА.Вы в свете моего дедушки стоите.

ЗИНОВИЙ. Не понял! Чё она бормочет там?

*Петя в беззвучном смехе перегибается пополам.
(на самом деле ему страшно за их общее детство)*

ПЕТЯ .Ой, не могу!Умру от смеха ! От неё щекотно в животе! От неё хочется повеситься!

ЗИНОВИЙ. Сволочь какая...

ПЕТЯ. Нет, папа, она дура. Зацепина!

ЛЕНА. Чего тебе, Лазуткин Пётр?

ПЕТЯ. Мы сегодня курицу ели. Жареную.

ЛЕНА. Дай кости.

ПЕТЯ. Там даже мясо осталось!

ЛЕНА. Где? Давай!

ПЕТЯ. Сними трусы, дам кости!

ЛЕНА. Совсем дурак? Они у меня одни! Ты дай так кости!

ПЕТЯ(прячась за Зиновия) Иди отсюда.

ЛЕНА. Лазуткин, дай алгебру списать.

ПЕТЯ. Иди, сказал, отсюда! От тебя тоска.

ЗИНОВИЙ. Погодь, сына, С ними не так надо. Ты их не бойся, сына. Она девочка. Девочкам нельзя грубить. *(Лене)* Иди, подойди, не бойся.

Лазуткин достаёт красивую гроздь винограда. Подняв руку вверх, медленно вращает гроздь за черенок.

Что, нравится?

ЛЕНА. Я и не боюсь.

ЗИНОВИЙ. Допрыгнешь, получишь.

Лена неуверенно подходит.

ЛЕНА. Как допрыгивать?

ЗИНОВИЙ. Зубами. Без рук!

ЛЕНА*(группируется).* Начинайте! (как в прыжке с трамплина)

Зиновий вертит гроздь над головой Лены, над самым её носом.

Лена подпрыгивает, пытаясь поймать гроздь зубами. Зиновий всякий раз вовремя отдёргивает руку с виноградом.

Петя азартно повизгивает, закрывая лицо руками.

здесь никакой музыки. здесь хаос вначале. топот хаотичный. но потом переходит чуть ли не в чечётку, где каждый ведёт свою тему)

Из подъезда торопливо выходит ТАДЖИК, начинает скрести снег.

ЗИНОВИЙ. Сынка, сынка, учись, как надо, учись, как надо! А-ть ты, мать твою... Чуть не цапнула, зараза! По швам, сказал, руки!

ПЕТЯ*(бормочет)* Папа, она поймает. Я боюсь. Она поймает... Я так боюсь!

ЗИНОВИЙ. Не поймает, сынка! Лазуткиных не поймают!

В этот момент Лена ловко цепляется зубами в виноградную гроздь и, мотнув головой, отрывает большой кусок. С виноградной гроздьёю в зубах Лена бежит к Дому Полярников и скрывается в подъезде.

Петя горестно визжит. Зиновий глухо матерится.

Паразитка! Цапнула, сволочь, до крови! Все пальцы чуть не откусила! Поймаю, все ноги тебе пообрываю и в жопу вставляю! *(Пете)* Брысь домой, мать заждалась уже там!

Петя убегает.

Зиновий открывает гараж, вытаскивает из него мешки и ставит их у ног Памятника. Замечает Таджики.

ЗИНОВИЙ. Таджики, тащи!

ТАДЖИК. Запрет.

Страшный и властный вскрик таджика. Но Зиновий не заметил, потому что тупой.

ЗИНОВИЙ. Мешок взял! закопал! Сразу деньги! Ну?!

ТАДЖИК. Трупы трогать грех!

ЗИНОВИЙ. Где трупы? Это мешки! Очумел, чучмек? Деньги дам! Таньга дам! Сразу дам! Так – месяц скрести будешь, а так к жене на Памир махнёшь!

ТАДЖИК. Я осквернюсь, хозяин. Стихии осквернятся. Хозяин, дай другую работу. (кратко)

ЗИНОВИЙ. Нету другой. Эту сделай.

ТАДЖИК. Не сделаю!!!

ЗИНОВИЙ. Охренел, таджик? Чучмек - декханин! Где ты трупы видишь? Ты хоть знаешь, кто я? Я депутат! Академик! Я полярный лётчик! Мэр Москвы Дружков – моя дядька родной. Родня моя. Дядька мой всю вашу Москву раком поставил. Ты понял, таджик? Мы уссывались, когда Арбат жгли! Мы и сейчас уссываемся. (приплясывает) Морду Москвы перекосили – мы!

ТАДЖИК. Ты дэв?

ЗИНОВИЙ. Без мата, ладно? У меня сынишка. Ребёнка ты моего видел хоть? Ну, а ты – "трупы" говоришь! Жена у меня, Римма. В очках. На хрена я про очки сказал?!

ТАДЖИК. Хозяин, давай, тебя спасу. Верь! Трупы нельзя закапывать. Трупы нужно относить на самый верх дахме, раздевать до гола и оставлять хищным птицам на съедение. Закапывать нельзя. Закапывать грех. Закапывание – скверна. Стихии должны быть чисты. Как и тело. Хозяин, когда ты моешься, ты моешь между пальцами ног?

ЗИНОВИЙ.(*помолчав*) У вас свои обычаи, у нас свои.

Один мешок начинает пошевеливаться.

ЗИНОВИЙ.(*показывает на мешок*) Ну, видишь, идиот, видишь теперь-то? Где трупы-то? Трупы же не шевелятся! Сроду трупы не шевелились! Давай, берись, что ли!

*Зиновий толкает мешок, тот развязывается. Из него выскакивает **МАРЬЯ ПЕТРОВНА**, петляя, бежит в подворотню.*

Марья Петровна! Какого лешего! Вы куда, Марья Петровна! Вас какая муха-то укусила? Вы ж умная женщина, куда вы? Такого уговору у нас не было! Что вы вырываетесь? Что вы мчитесь - то?

Зиновий бежит за Марьей Петровной. Таджик в страхе смотрит на мешки. Все мешки начинают шевелиться и слепо брести к Таджику, окружают его. Доверчиво – бессильно прислоняются к Таджику. Таджик в страхе убегает.

В начинающейся метели мешки разбредаются по двору.

Но вот во двор вбегает вооружённый отряд. Бойцы по-военному быстро обследуют двор, наставляя автоматы на подозрительные углы и окна, слышны возгласы: "Чисто! Здесь чисто!"

Рваная музыка гимна Российской Федерации. Потом, как в начале, все бешено мечутся и пляшут в полной тишине.

КАРТИНА 5

Комната Паоло.

ЛЕНА. Нампохимии сегодня не задали! У нас были практические занятия! Я сегодня ни одной двоечки не получила. Ну что ты уставился?

ПАОЛО. Почему ты такая грубая?

ЛЕНА. Я не грубая! Я замёрзла! Дед! я же сегодня же ни одной двоечки не получила же!! Показать дневник или так поверишь?

ПАОЛО. Поверю.

ЛЕНА. Ты не скажешь, что я тупая?

ПАОЛО. Нет, конечно.

ЛЕНА. Тогда - на! (*протягивает виноград*).

ПАОЛО. Виноград! (*трогает*) холодный

ЛЕНА. Сорт "Мускат". (*вертит кисть за черенок*) Нравится тебе?

ПАОЛО. У тебя цыпки на руках.

ЛЕНА. Ты сюда смотри! Он красавец из юга!

ПАОЛО (*машинально поправляет*) С юга.

ЛЕНА (*послушно*) С юга. Я не тупая?

ПАОЛО. Нет.

ЛЕНА. Смотри, дед! Я его тебе на Палашёвке купила. Специально ездила! Для тебя ездила! Битый час выбирала – у них там все столы снегом замело, но я-то нашла!

ПАОЛО. Палашёвский рынок закрылся ещё в прошлом веке.

ЛЕНА. (*помолчав*) Рядом. Там рядом чёрные продавали. На ящиках. Ты кушай. тебе вкусно?

ПАОЛО. (*ест*) Вкус тонкий. А как ты вошла?

ЛЕНА. Открыто было. Ты кушай. Мой любимый сорт. Паоло, ты купишь мне коньки?

ПАОЛО. Таджик не закрыл, уходя. Он рассеянный, потому что истощённый. С него спрос невелик. А я-то разиня! Вот разиня! Я должен помнить – нужно очень беречься от нежелательных вторжений. Девочка и замёрзла. Замёрзшая девочка. Позванивает косточками. Чаю бы дать тебе, дитя, да сахар закончился.

ЛЕНА. Ты коньки мне купишь, дед?!

ПАОЛО (*очень расстроен*) Если проникнут нежелательные гости, последствия будут необратимыми.

ЛЕНА. Коньки же хочу я, дедушка!

ПАОЛО. Фигурные?

ЛЕНА. На фиг! Беговые. "Ножи".

ПАОЛО Девочки любят фигурные.

ЛЕНА. На Патриках буду кататься. На "ножах". Я бегать люблю.. Сверху огоньки, снизу лёд, между ними – я. Деданька, ну пожалуйста! Я уже ждать замучилась!

ПАОЛО А родители? Ты им скажи, они купят!

ЛЕНА. Деда, я тебе говорю! Мне приятнее – от тебя!

ПАОЛО. Я немного растерян.

ЛЕНА. А чё ты растерян-то? Чё тебя растеряло так? Новый год опять скоро! А я опять без коньков! Быстрее надо, деданька мой любименький!

ПАОЛО. Тебе под ёлку родители должны положить коньки. Я так думаю. Нет, я убеждён! Мне даже отсюда видно, как ты сильно хочешь коньки.

ЛЕНА. Мамка ни за что не положит – она боится, что я разобьюсь. А папка – уже разбился.

ПАОЛО. Как разбился? Как он мог разбиться?! Да мы же с ним на прошлой неделе на лестничной клетке курили... мы про Сталина спорили! Он горячился, рубил аргументами. Я отклонял, увещевал его, молодого рабочего.

ЛЕНА. Да хоть про чёрта б вы спорили там, мужики! Папа разбился, а я уже смирилась. Купи коньки, дед!

ПАОЛО. Он ещё кашлял надсадно так, что казалось – лёгкие выплюнет! Мне знаком этот кашель. Это кашель Севера. Нельзя слишком сильно рот разевать, когда вокруг арктический лёд!

ЛЕНА. Можно - нельзя, теперь-то чё говорить. Папы больше нет с нами. А из окон наших дует.

ПАОЛО. Как можно так цинично... Ты лжёшь. Подростки всегда лгут. Подростки легкомысленны и себялюбивы. Подростки яростно верят, что они бессмертны. Поэтому умирают легко. Подростки созданы из огня и снега, поэтому так сгорают легко. Подростки ангелоподобны – следы их ног легче и меньше, чем наши. Подростки бессердечны. Они пусты. Они поют каждой косточкой, каждым завитком своим. Они мстят матерям. Они умеют. Они предчувствуют позор и уныние взрослой жизни. Они порываются уйти. Как это можно так спокойно произносить эти слова: "папы больше нет с нами." Подростки – отличная мишень.

ЛЕНА.*(подходит к карте СССР)* Вот Уральский Хребет. Вот этот тракт. Папин камаз нашли вот здесь. Под брюхом кабины горел костёр.*(вглядывается в карту)* Да вон же, вон до сих пор огонёк там. А теперь глянь, дед...

Но Паоло не слушает дальше, он подбегает к карте, он крайне взволнован.

ПАОЛО. Где? Какой огонёк там? Нет. Девочка моя милая! Что у тебя по географии? Эта красная точка означает месторождение благородных металлов.

ЛЕНА. Ты обещал не говорить, что я тупая! Вот, смотри, дедушка мой, на карте твоей всё-всё подробненько обозначено. Глянь - Сюда – сто километров снега...

ПАОЛО*(поправляет)* Километров.

ЛЕНА*(послушно)* Километров. И сюда сто километров снега.. И ни одного следочка, никого, ни человечка! Как ты думаешь, Паоло, с нами мой папа после этого или не с нами?

ПАОЛО. Девочка! Я когда-то в арктических снегах замерзал и меня, ты не поверишь – *(показала на чучело белого медведя)* спасли.

ЛЕНА. Нет, Паоло, это в твоих арктических снах всё сбывается. А мой папа- простой рабочий человек. Он никогда не умел мечтать. Он просто разбился. Жил-жил и разбился.

ПАОЛО. Он умел мечтать. Он верил в Сталина. Я отговаривал – что ты о нём знаешь?! Ты не жил тогда! А он говорил: так холодно и одиноко на Камазе тащиться по дорогам нашей родины. Бывает, говорил мне молодой дальнбойщик – сутки никого не встретишь. Говорил - все дальнбойщики возят на лобовом стекле портрет товарища Сталина. Говорил, устанешь, летишь, и начинает казаться – вот-вот слетишь с пустынных немерянных этих земель. А у товарища Сталина взгляд такой твёрдый. Глянешь на него и тут же проснёшься.

ЛЕНА. *(Раскинув руки, обнимает карту СССР)* Вот это страна, в которой ты родился?

ПАОЛО. Эта.

ЛЕНА. Ух ты, страница – руки не достают до краёв! *(льстиво)* Твоя страна большая, моя – маленькая. Подари мне коньки! Ну что тебе, жалко?

ПАОЛО. Разве хорошо попрошайничать?

ЛЕНА. Я же не кушать прошу! Я счастье у тебя прошу, деданька. Мне девочки звонят – пойдём на Патрики на каток? А я - голова болит. А она не болит! Я хочу на Патрики! На каток с лучшей подружкой – хочу! Мороженое на холоде кусать! Хохотать, чтоб слёзы брызнули! И чтоб горло потом заболело. В кроватке с книжкой лежать. И молоко с печеньем. Теперь ты понял хоть?!

ПАОЛО. Скажи хотя бы, как тебя зовут?

Автоматная очередь за окном.

Лена прыгает и бьёт в ладоши. Ей весело. Хватает дневник и бежит из квартиры.

КАРТИНА 6

Двор Дома Полярников. Метель.

*Бойцы обследуют двор. Лена с раскрытым дневником робко бродит между мужчинами с автоматами. Мешки тем временем тихо, но упорно тащатся за бойцами. Те их вначале не замечают. Наконец один мешок подтащился к бойцу **ШКРАБЕ** и ласково боднул его под коленки. Бойцу щекотно, он присел..*

ШКРАБА. Ай! Да чтоб я сдох! Товарищ майор! Здесь что-то не то! Ой, я чую – что-то не то! Объект там стоял! А теперь здесь, он своим ходом притащился! И под жо... типа – в ноги упёрся.

МАЙОР. Прекратить орать, сержант ШКРАБА. Доложите по уставу!

ШКРАБА. Есть доложить по уставу! На обследуемой местности замечен передвигающийся неопознанный объект типа мешок. Да вот же, це он бредёт!

Мешок тем временем убрёл.

Был же! Ушёл.поукр.

Лена протягивает дневник Майору.

МАЙОР. Чего тебе, девочка?

ЛЕНА. Дяденька, проверьте мой дневник.

МАЙОР. Не мешай, отойди в сторону.

Подбегают остальные бойцы. Лена поочерёдно протягивает им дневник, но бойцы отмахиваются от неё.

БОЕЦ ШКРАБА. Товарищ майор, всё чисто.

МАЙОР. Ладно. Проверьте те углы!. (*Лене*) Девочка, чего же тебе надо-то, недосмотренная?

ЛЕНА. Проверьте дневник мой, дяденьки!

МАЙОР. Почему здесь ребёнок? Какого хрена здесь ребёнок без пальто?! У неё на волосах даже снег! Ёжкин кот! ШКРАБА? Козёл! Ночь! Иван!

ШКРАБА. Це я знаю? Це моё дитё? Идём, дивчина! До тех снегов идём!

ШКРАБА отводит Лену на край двора.

ШКРАБА. Стой здесь. А-то командир орёт. Стой, краля. Здесь безопасно.

Тем временем мешки вновь окружили весь отряд, налезают на бойцов.

Борьба отряда и мешков. Автоматные очереди. Возгласы.

Отряд отступает. Майор с автоматом – стреляет, стреляет в воздух - пятится последним.

МАЙОР. Отходите ! Я вас прикрою! – *(стреляет!)*

Уходят.

ЛЕНА. Никто не проверяет мой дневник! Никто не проверяет мой дневник! Никто не проверяет мой дневник!

Торжество снежной бури.

КОНЕЦ 1 ДЕЙСТВИЯ.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

КАРТИНА 7

Однокомнатная квартира в "спальном" районе Москвы. В комнате орёт телевизор. Идёт бомбёжка Сектора Газа.

*Римма на кухне чадно жарит куриные ножки. Напеваёт. Вваливается **Марья Петровна**.*

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Вот оно!!!

Римма сильно пугается.

РИММА. Мария Петровна, давайте без нервов...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА(*указывает на тапки*) Вы - вон как! А я тогда - как?!

РИММА. Пожалуйста. Я же не спорю. Всегда можно договориться!

Римма сбрасывает тапки, Марья – надевает.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Я – как чувствовала! Как чувствовала! У меня же – интуиция!
(*Указывает на халат.*) А это?

РИММА. Натё. Я – за взаимное уважение!

Римма снимает халат, Марья надевает.

Римма стоит в пухлых, обвислых, стиранных панталонах, руками крест – на -крест прикрыв длинную грудь.

РИММА. Марья Петровна! Как учится мой сын?

Марья трясёт дневником у неё перед носом.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Вспомнили, наконец? Аэто вот – что?!

РИММА. Можно посмотреть?

МАРЬЯ. Нужно! Нужно!!! Я вас третью неделю вызываю, а вы не являетесь! Ни одной вашей росписи, что просмотрено. Ни одной! Дневник у ребёнка не проверяет никто! Чужой он вам, что ли, чужой?

РИММА. Марья Петровна, мы на работе устаём. С ног валимся. Мы с Зиной работаем, как проклятые!

МАРЬЯ. Все валятся! Все – проклятые! А у вас, тем временем, ребёнок запущенный!

РИММА. (*Тычет в дневник*). А почему у Пети тройка по химии за полугодие выходит? Он что, по химии хромает?!

МАРЬЯ. Спихватились, мама? А потому он хромает, уважаемая Римма Ильинична, что лодырь ваш Петя, и я его за уши тащу, чтоб на второй год не оставить!

РИММА *(листает дневник)* Это мы поспорим... это мы поспорим. Ребёнок городские олимпиады выигрывал, а ему тройку за полугодие... Что-то у нас с вами ничто ни с чем не совпадает, Марья Петровна.

Марья Петровна шумно рушится на стул.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Спорьте - не спорьте, устала я от вас. Бестолковые, равнодушные люди. Только выгода, только нажива. От денег уже совсем с ума посходили! А вот у меня, точно, ноги отваливаются. *(подумав)* Деньгами счастья не купишь!

Марья Петровна остро, обличающее смотрит на Римму, та не выдерживает её взгляда, тушуетса.

РИММА. Ради сына, ради Пети, ради мальчика нашего. Чего только не приходится выносить. Образование дадим. Образование детей – лучшее вложение капитала. Вы думаете, мы дома в Испании себе покупаем? Особняки на Рублёвке? Рысаков орловских? "Хаммеры" – "лексусы"?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Да, я так думаю! Мне отвратительно!

РИММА. О, нет! Мы скромно живём. Я смородину с участка вёдрами на дорогах продаю. Я запыляюсь, а я продаю. Тормозят, вонь, гарево, норвят у крестьянки ведро кислоты вырвать из рук. А ей же на эти деньги хлебушка, молока "Мила в деревне", ей сынка прокормить, у неё мальвы и табаки обломала гроза прошлой ночью, у неё фингалы под глазами – звёзды ночью наставили... яблоки воры украли из сада...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Да вы врётё! Вы не крестьянка! Вы – еврейка! Вы в скорняжной мастерской, в подвале сидели, я ж помню: белки, опилки, коробочки с глазами. *(тоскует)* где то СССР... золотые деньки!

РИММА. Ах, так! Было да сплыло! теперь всё по-новому. Теперь без церемониев! Я – ради сына. Дети должны жить лучше родителей.

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Согласна. Дети – наше будущее. Кроме...

РИММА *(перебивает)* Мой мальчик получит самое лучшее образование. А это, Мария Петровна, стоит очень больших денег. Мы с Зиной во всём себе отказываем. Посмотрите на меня, какая я стою перед вами... но мне ничего не надо. Зато мой сын станет...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА Кем?

РИММА. Обещаете исправить ему оценку по химии?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Обещаю. Кем?

РИММА Лётчиком-бомбардировщиком.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Тогда ему химия вообще не понадобится! Мимо него – химия!

РИММА. Почему же? Пусть будет! Петя должен быть всесторонне развитым, блестяще образованным человеком! Он на пианино бегло играет! В Мерзляковском училище.

Рисует тоже. Пушкина обожает. Я, в принципе, ненавижу военщину, хоть американскую, хоть израильскую, но эти смуглые белозубые лётчики с оливковой кожей, с влажно-тёмными глазами! Петя будет одним из них! Когда они бомбят сектор Газа, я не могу! я – не могу! я просто с ума схожу! Марья Петровна! Марья Петровна, они ангелы гнева, они неотвратимы, как судьба!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Жидкий он у вас. Бесхарактерный какой-то. В глазах паника. Я его хорошо изучила. Мальчик скрытный. Так-то он тихий, а что он там себе думает, не понять. (*глубоко горько*) Никого он не любит. А тут – такое небо, шуточное ли дело! Я понимаю, вы мать, у вас мечты гордые, вам самое лучшее надо для сыны, но дожить надо. Сколько я их на своём веку видела, таких Петь. Ну и где они? Слесаря и алкоголики. И гитары поломаны.

РИММА. Петю ждёт необыкновенное будущее! Он так выделяется!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Так-то оно так, да всё не просто в этом мире, дорогая вы моя Римма Ильинична!

Врывается ЗИНОВИЙ.

ЗИНОВИЙ. Вот она!!!

РИММА. Зина, только без паники... Всё ещё можно исправить.

ЗИНОВИЙ. Какого хре... чё исправить, Римка, она из мешка вырвалась, как кабан! Испинала меня всего! Как не женщина, как чёрте-кто!

Марья Петровна закрывается стулом.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Это у вас ни один суд не признает!

ЗИНОВИЙ Слыхала? Чувствуешь наглуую?!

РИММА. Марья Петровна, давайте спокойно всё обсудим!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Ничего я с вами обсуждать не буду!

РИММА. Ну не будьте вы как ребёнок, Марья Петровна!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Это моя квартира!

РИММА. Я думала, квартира свободна – я была уверена, что квартира свободна!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Как это свободна! Здесь всё моё! Вы хоть в ванную загляните – там бельё в тазу замочено, моё это...

РИММА. Давайте без криков. Без обоюдного оскорбления! Криками мы ничего не решим. Это однушка, общая тридцать пять, жилая семнадцать, кухня – шесть. Правильно?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Моё это.

ЗИНОВИЙ. У нас у нотариуса всё заверено. Всё чин-чинарём! Вот, сами посмотрите, все печати, все подписи...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.*(мечется)* Моё это. *(Римме)* И пахнет моим! Вы вот жарите внаглую, моё на моём, на масле моём - мои же ноги!

РИММА. Да я мясо вообще не ем!!!

ЗИНА. Чё ты её слушаешь, Римка? Она же по-человечески не понимает! По-хорошему не хочет!

Зиновий замахивается мешком. Марья Петровна обороняется стулом.

РИММА. Зина, не нужно грубостей. Марья Петровна, мы опытные риэлтеры, ваша квартира теперь уже наша, и не будем вдаваться в подробности, хорошо?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. А мне где жить-то теперь? Вы хоть головой-то своей подумали?!

*Зиновий подкрадывается к Марье Петровне с раскрытым мешком.
Марья Петровна ловко уворачивается.*

РИММА. Прошу вас, будьте реалисткой!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Какие вы, по-настоящему страшные люди!

Зиновий и Римма язвительно улынулись и переглянулись.

*В это время пережаренные окорочка возгораются, над сковородкой – пламя.
Марья Петровна в порыве отчаяния хватается горящую сковородку и бросает её в окно.*

(шепчет) Люди, помогите!

Внизу вопль – попала.

Зиновий и Римма хватают Марью Петровну, засовывают её в мешок.

Врывается обгорелый ЭЛЕКТРИК.

Электрик, это чудесный героический тенор. Не важно, что текст дурацкий у него, важно, что поёт он страстно и влюбленно.

ЭЛЕКТРИК *(чудесным героическим тенором).* Какая падла сковородень швырнула? Огнём и маслом ошпарили меня?!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА*(из мешка)* Помогите!

ЭЛЕКТРИК. Какого лешего у вас мешки орут?

РИММА Вы вторглись в чужое личное пространство. Это недопустимо!

ЗИНОВИЙ. Учти, сынок, я депутат. Мэр Дружков мой родной дядя!

*Мешок прыгает, визжит.
Электрик прислушивается, бросается к мешку.*

ЭЛЕКТРИК. Я знаю, кто это!

Электрик освобождает Марью Петровну.

Пение. Трио: мешок, Марья Петровна, Электрик. Марья Петровна поёт и за себя и за мешок.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. *(орёт)* А вы! Опять вы! Вам где находиться – сказано! В школе! Актный зал украшать гирляндами – завтра Новогодний бал-маскарад. Я докладную напишу, в учебный совет доложу, в конце – концов!

*Освобождённая возлюбленная оказалась ужасной Марьей Петровной!
Электрик в ужасе от своей любви.*

Электрик убегают. Марья Петровна гонится за ним.

Римма и Зиновий кисло - задумчиво осматриваются.

РИММА руками измеряет размер стен.

РИММА Бросовая квартирёнка. Не стоило и корячиться.

ЗИНОВИЙ А я говорил, я предупреждал. На ней бабла не срубишь, а нервное истощение - хоть сейчас.

КАРТИНА 8

Вечерний двор.

ЛЕНА и ПЕТЯ бродят по двору, неуклонно сближаясь.

Наконец останавливаются друг против друга.

ТАДЖИК в центре двора разговаривает сам с собой, кладёт разный хлам в железную бочку. Вокруг бочки стоят сугробы-мешки, вконец обледенелые

ПЕТЯ. Тебе чего, Зацепина?

ЛЕНА. Ничего. А тебе?

ТАДЖИК. *(страдая)* Хайриниссо.

ПЕТЯ. *(Лене)* Иди отсюда.

ЛЕНА Ну ладно.

ТАДЖИК. ... Хайриниссо.

ПЕТЯ. Стой. Это что?

ЛЕНА. Мой дневник.

ПЕТЯ. Зачем с ним ходишь?

ЛЕНА Никто не проверяет.

ТАДЖИК. Хайриниссо.

Таджик зажигает огонь в бочке.

Дети, привлечённые светом огня, замечают Таджика.

Лена, смутно улыбаясь, подходит к Таджику, робко протягивает ему дневник.

Таджик не смотрит на девочку, тянет руки к огню, страдает.

ПЕТЯ.. Он не проверит!

ЛЕНА. Он проверит!

ПЕТЯ. Он по-русски не понимает!

ЛЕНА. Он проверит!

ПЕТЯ. Он таджик!

ЛЕНА. Он проверит!

Лена прыгает, машет дневником у лица Таджика. Тот закрывает лицо руками.

ТАДЖИК. Хайриниссо. Тетрациклин. Смерть на Памире. Денег нет.

ЛЕНА *(разочарованно)* Не проверил.

ПЕТЯ. Давай в него пуляться!

ЛЕНА. Давай. А как?

Петя отламывает ледышку и запускает ею Таджику в лицо. Тот вскрикивает – лицо в крови.

ТАДЖИК. Хайриниссо, взмоли Заратуштру, вернуть нам Хульбук. О, Хайриниссо, глина и лепет, огонь и вода... о жена, мать моих детей...

ЛЕНА*(хохочет)* Попал! Попал! Попал!

*Вбегает Отряд бойцов во главе с **Майором**. Наставляют автоматы на все углы двора.*

МАЙОР. Отряд, рассредоточиться!

Бойцы разбегаются по двору – автоматы во все стороны.

Шкраба! Установите личности присутствующих!

ШКРАБА. Есть!.

У Шкрабы в руке – фотография.

ШКРАБА подбегает к Таджику, сверяет его лицо со снимком. Не то.

Шкраба замечает Петю и Лену. Подбегает к ним, сверяет их лица с фотографией.

ШКРАБА (*разочарован*) Да ни, не он это. Ни, товарищ майор, невозможно найти его в таком месиве! Кого тут сыщешь – всё попере мешалось - поперепуталось в мире!

МАЙОР. Отставить разговорчики, боец Шкраба!

ШКРАБА Есть отставить, товарищ майор!

МАЙОР. (*с тоской*) Да где ж его черти носят? Как нам найти его? Он так опасен! Он так опасен! Он представляет собой угрозу национальной безопасности нашего государства! Ладно, отступаем...

Майор и отряд уносятся в ночь.

ПЕТЯ. Какие! Прямо, как кони!

ЛЕНА. Это мои друзья!

ПЕТЯ. Врёшь. У тебя нет друзей. И родителей больше нет. Ты давно- давно осталась одна. Поэтому ты жрать всё время хочешь.

ЛЕНА Я сожгу свой дневник! Я сожгу свой дневник!

Лена бежит к бочке с огнём. Петя прячет лицо в ладони.

ТАДЖИК в трансе над огнём.

ТАДЖИК. (*бормочет*) Ахура Мазда. Ахура Мазда. Ахура Мазда...

*вдруг сверху открывается золотое окно - льётся залиvistый озорной свист.
Лица обитателей двора вспыхивают радостью.*

ПЕТЯ ---

ЛЕНА --- (*вместе, звонко*) Мальчишка! Лётчик! Паоло!!!

ТАДЖИК ---

Свет меркнет и в следующий...

КАРТИНА 9

*...миг вспыхивает вновь мириадами разноцветных огоньков вверху – это ЭЛЕКТРИК
украшает потолок актового зала новогодними гирляндами.
Посередине пустого зала стоит большая нарядная ёлка.*

ЭЛЕКТРИК. Подорвёт она меня. Подорвёт, гадюка. Гюрза просто! Уволюсь от греха. Справим Новый год и уволуюсь. Домой умоваю. В Туймазы. Родина меня помнит. По

крайней мере, электрики пока ещё везде нужны. А вот учительницы химии –уже остохренели всем.

В зал робко входит ЛЕНА в костюме моркови. Смотрит на потолок.

ЛЕНА. Здравствуйте!

ЭЛЕКТРИК. Здрасьте.

ЛЕНА. Можно уже к ёлке подойти?

ЭЛЕКТРИК. А мне-то что? Я здесь не распоряжаюсь. Я электрик!

ЛЕНА*(нежно смеётся)* Я думала, вы ангел.

ЭЛЕКТРИК*(обижаясь)* А ты морковь.

ЛЕНА. Я знаю. Мне выдали. Марья Петровна выдала костюм моркови. Вам нравится? Он шерстяной, я вся согрелась! Даже ушки и ножки! Я из моркови выглядываю на тебя, ангел! Ля-ля-ля!

Лена кружится.

Её маленький танец.

Электрик, помимо своей воли, повторяет все её движения у себя на потолке.

ЭЛЕКТРИК. Да я её ненавижу!

ЛЕНА. Морковь?

ЭЛЕКТРИК. Да Марью вашу Петровну эту!

ЛЕНА Взрослых нельзя ругать.

ЭЛЕКТРИК. Почему это?

ЛЕНА. Они огромные!

ЭЛЕКТРИК. А мне-то что! Я сам взрослый.

ЛЕНА*(лукаво)* А почему тогда вы на потолке?

Лена чувствует праздник. Он вот-вот накатит. Лене чуют ангелов. Она танцует внизу. Электрик невольно вторит её движениям у себя, наверху.

ЭЛЕКТРИК Я здесь работаю.

ЛЕНА. Почему вокруг вас всё сияет там, наверху?

ЭЛЕКТРИК . Потому что я электрик, что тут непонятного! Я лампочки вкручиваю!

ЛЕНА А почему вы не падаете?

ЭЛЕКТРИК. У меня крючки. Присоски. Приспособления.

ЛЕНА. Как у мухи?

Электрик обиженно молчит.

Ангел, как тебя зовут?

*Но Электрик не успевает ответить – в зал вкатывается праздник: школьницы в костюмах снежинок, школьники в костюмах зверей. Среди них **Петя** в костюме зайца. Бешеным хороводом они несутся вокруг ёлки.*

ЛЕНА Праздник! Он наступил! Он наступил!

Лена бежит вдоль хоровода, во встречном движении. Хоровод закручивается всё быстрее и быстрее, Лена пытается влиться в него, но - руки хороводников намертво сцеплены и Лене не удаётся разорвать круг и влиться в хоровод. Её отталкивают, она падает.

Хоровод продолжает кружиться.

ЭЛЕКТРИК Вадик. Имя мне Вадик. За последние двадцать лет ни один не спросил, как моё имя. Ни один не поинтересовался! В детстве – по фамилии, а после детства – сразу Электрик.

Ряженые школьники наконец замечают лежащую Лену.

МАЛЬЧИК-ЗВЕРЬ Звери , морковь!

ДЕВОЧКА-СНЕГ. Снег, заметём!

Хоровод размыкается и цепочкой течёт к Лене, окружает её и вновь заверчивается в беге.

ЛЕНА внутри круга, она поднимается, бросается то к одному, то к другому ребёнку, ей хочется влиться в праздник. Но ряженые отталкивают её и бросают от одной стороны круга к другой.

ЛЕНА. С тобой весело, Волк!

Толкают. Летит.

С тобой весело, Медведь!

Толкают. Летит.

Кабан, ты красавец!

Толкают. Летит.

Снежинки-снежинки, подружки-сестрички!

ЭЛЕКТРИК. Вадик – это моё имя.

ЛЕНА. Волки-лисицы-медведи –кабаны – вы звери лесные, а вы снежинки – раз-два-три, здесь целая вьюга. Мне весело!

ЭЛЕКТРИК. В Туймазы поеду я, утром пойду по улице, кто-нибудь окликнет: "Вадик! Ты?!"

Короткое сольное пение Электрика и его воздушный танец.

Лена тем временем замечает Петю в костюме Зайца.

ЛЕНА. Заяц, ты Пётр Лазуткин!

Мгновенно всё замирает.

Слышно только шебаршанье Электрика под потолком.

Хоровод распадается на группы школьников, те снимают маски –разгорячённые лица милых детей. Разбредаются по залу, тихо и прилично переговариваясь.

В масках только ЛЕНА и ПЕТЯ. Они в центре зала одни.

ПЕТЯ(*шипит*) Остань, дура несчастная! Что ты ко мне прицепилась, ну что?

ЛЕНА. Да я сейчас не Лена никакая, я Морковь. А ты Заяц. У нас же праздник. Ты должен меня съесть!

ПЕТЯ(*шипит*) Тупая. Зацепина, ты тупая.

ЭЛЕКТРИК. А я скажу ему – здорово. Вот, из Москвы вернулся. Домой. Осеть решил. Дома, в Туймазах..

ЛЕНА. Давай, потанцуем?

ПЕТЯ. Сволочь. Ты сволочь, Зацепина. Из-за тебя со мной никто не общается. Потому что ты идиотка.

ЛЕНА. Новый год наступает для всех!

ПЕТЯ. О, я просто не могу! Меня сейчас вырвет от тебя! Я умираю от смеха!

*Начинают бить часы. Огни под потолком мигают. Входит **МАРЬЯ ПЕТРОВНА** в костюме Деда Мороза – за спиной мешок.*

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (*праздничным голосом*) Здравствуйтесь, дети! Вот и наступил Новый год! Пришла пора раздавать подарки!

Школьники шумно окружают её.

Марья Петровна раздаёт подарки.

ПЕТЯ. Это Дедушка Мороз. Он подарки нам принёс!

ЛЕНА. Не ходи. Что-то случится. Я чувствую.

ПЕТЯ. Ты не умеешь чувствовать, ты тупая! Тебе завидно, что Дед Мороз раздаёт детям подарки. *(кричит)* Дед Мороз, я здесь!

Петя бросается к МАРЬЕ ПЕТРОВНЕ.

ЭЛЕКТРИК *(Лене)* Нормальное имя. Не хуже других. Приятное на слух – Вадик.

ЛЕНА *(Электрику)* Этот мальчик, этот Петя, он же, как маленький, он всё ещё верит в Деда Мороза... А я-то знаю, из Деда Мороза может выпрыгнуть такое... такое!

ЭЛЕКТРИК Вадик – это я.

*Все школьники тем временем убежали.
Марья Петровна раскрывает мешок, шарит в нём.*

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. А какой же ты хочешь подарок, заяц мой серый?

ПЕТЯ *(робко)* Я не знаю.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Опять это "не знаю"? "Не знаю" – самый простой ответ! Все дети хотят подарки. Это – суть детей – ждут подарков, пока не вырастут. Ну, заяц? Смелее!

Петя пятится.

ПЕТЯ. Мои родители вносили деньги на подарки. Или не надо. Нет, не надо подарков!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Отступать уже некуда, заяц Лазуткин! Знаешь ведь, моё к тебе отношение – особенное, Петя.

ПЕТЯ пятится.

ПЕТЯ. Дед Мороз, кто ты?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Я твой подарок, Петя. Вот – кто я!

Марья Петровна распахивает красную шубу Деда Мороза и Петя видит – под шубой голая, страшная, вздутая, старая Марья Петровна.

Здесь оказалось, что под потолком у Электрика вовсе не потолок, а ледяные глыбы, много раз пробитые огнями. Глыбы сдвигаются, идут трещинами.

ПЕТЯ. Я больше не хочу. Я этого не могу больше. Я не буду!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА*(наступает)* Погибель моя. Счастье моё сладкое! Сопелька моя горькая. Кровинка!

Марья Петровна втягивает Петю в свою шубу и запахивает полы шубы.

Сбылось. Прилипни навсегда!

ПЕТЯ *(бьётся под шубой)* Помогите!

ЛЕНА. Дед Мороз какой-то не такой! Дед Мороз какой-то не такой! И куда делся Заяц Лазуткин? Ангел Вадик, ты не видел?

ЭЛЕКТРИК. А фамилия моя Сёмкин. Вадик Сёмкин я. Сами мы –Туймазинские. С Башкорстана мы.

Электрик уже и сам не верит, что он Вадик. Он теперь единственный, кто сдерживает ледяные глыбы, распялив тельце своё по ходу их трещин.

Лена подбегает к Марье Петровне и сдирает с неё ватную бороду.

ЛЕНА. Дед Мороз, я тебя знаю!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Тебе не полагается подарков, на тебя не рассчитано, паршивкаяЗацепина! Тебя в списках нет, гадина!

Но Лена раздирает красную шубу и вытягивает из неё рыдающего Петра. Пётр грубо толкает Лену в грудь.

ПЕТЯ. Отстаньте все! Проклятые!

Петя рыдая, бежит из зала.

ЛЕНА.О, Петя, о, не убегай! Праздник ещё не закончился!

Лена бежит за ним.

ЭЛЕКТРИК. Ну всё! Вхожу в пике!

Электрик срывается с потолка на гирлянде из огоньков, пролетает по залу и шибаёт Марью Петровну с ног. Но тут же с ужасом отпрыгивает в сторону.

Маняша, да что с тобой?!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Да сколько же это продолжаться-то может, а? Теперь он на меня с потолка прыгает! И ещё дурачка из себя строит! Глазами тут моргает, кретин! Мне на педсовете доложить на вас? В Министерство написать наконец? Заявить, куда следует?

ЭЛЕКТРИК. Да вы совсем, что ли? Вы же рожаете!!!

Марья Петровна издаёт долгий протяжный рёв. От этого рёва разноцветные лампочки на потолке цепочками – взрываются. Свет медленно меркнет. Вместе с этим голос Марьи Петровны становится всё выше, моложе и нежнее, становится девичьим и уже в полном мраке переходит в крик новорожденного младенца.

КАРТИНА 10.

Ночной двор.

В центре двора догорает огонь в бочке. В его бликах видно, что мешки оттаяли и слабо пошевеливаются.

Петляя, вбегает МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Озирается. К груди она прижимает свёрток.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Вы – так, а я – так. Вы думали – вы самые умные? А есть и поумнее вас. Есть и поумнее! Разбомбили всё моё – постельку мою, окорочка. Я никому не мешала, я жила в своё удовольствие, я по средствам жила. Я на балконе помидоры выращивала! Накидки для настольных ламп вязала! Внучку вам родила. Сама! Но вы никогда не узнаете про внучку! Никогда! Я сама удивилась. Но она – вот она. Она не сон, она – реальный плод любви моей и Петинной. Но – не вам! Не вам! Жестокосердные! Алчные! Корыстные! Вы – всё моё разбомбили! *(здесь речитатив как в первом монологе Паоло, с ударениями на отдельные слова, пародия на монолог паоло)*

Марья Петровна кладёт свёрток к изножию памятника Гоголю.

На, Гоголь. Возьми себе. Это тебе. От меня. Тебе всё время что-нибудь приносят. Ты это любишь. Тебе всегда мало. Это - моё. Было моё, стало твоё. Укрой её своим пальто. Ну, ты там сам знаешь, как и что там у вас в этих ваших высших сферах. Я на экскурсии из школы ни разу к тебе не приходила с букетами. Но ты-то в центре живёшь, а я – в Медведково, мне после работы на метро полтора часа и в конце ноги отваливаются. Теперь на - вместо букета возьми эту девочку-младенца. Я всю жизнь про тебя думала, Гоголь. Незаметно для себя. По бокам головы моей роились огненные мушки. Я обратилась к окулисту. Окулист мне сказал, это у вас не огненные мушки, это Гоголь. *(свёртку)* Прощай, мелкое, кровное чадо Лазуткиных. Прощай, неожиданная дочка, ты из меня выпала внезапно, живи поэтому в ногах у Гоголя. Прощай и ты, Москва-гармонь! Я еду в Туймазы! И это решено. Меня позвал один человек. Его зовут на букву "В". У нас с ним чисто дружеские, высоко духовные отношения. *(Памятнику)* И это не твоё дело! У них там, на Туймазинской электростанции им требуется ласковая техничка. Не останавливайте меня! Не останавливайте меня! Не ворочайте вы меня назад!!!

Марья Петровна убегает. И тут же входит ЛЕНА. В руках у неё дневник.

ЛЕНА. *(в пространство)* Кто-нибудь хочет проверить мой дневник?

Лена видит свёрток у подножия памятника, бросается к нему.

Еда!

Лена разворачивает свёрток – видит младенца. Младенец плачет. Лена смеётся.

Ты – настоящая! Ты – мне? Для меня? Я знаю, как кормят детей! Я умею!

Лена раскрывает грудь и прижимает к ней младенца. Убаюкивает его.

Не получается! Надо подрезать.

Лена надрезает грудь и вновь прикладывает младенца к груди.

Кровь станет молоком. Кровь станет молоком. Сосёт ! Доченька моя!

Во двор вбегают Лазуткины ЗИНОВИЙ и РИММА.

РИММА. Петя!

ЗИНОВИЙ. Пётр!

РИММА Петя!

ЗИНОВИЙ. Пётр!

Видят Лену, бросаются к ней.

ЛЕНА. На вас пальто Марьи Петровны!

РИММА (*прячется за Зиновия*) Моё это...

ЗИНОВИЙ. Морду ей набить и все дела!

ЛЕНА. Да мне же нравится! Вам идёт зелёное. К лицу идёт.

РИММА. Правда?

Римма застенчиво кружится, показывая пальто.

Ноское!

ЗИНОВИЙ. Это наше пальто. Я его сам покупал. Жене на день рождения.

здесь супруги пластикой и танцем с пальто показывают, какие они неразрывные половинки. хвастаются крепкой семьёй перед сироткой.

ЛЕНА. Нет. Пальто Марьи Петровны!

Римма опять прячется за Зиновия.

ЗИНОВИЙ. Докажи!

ЛЕНА. Та вон дыра на животе, она оттого, что Марья Петровна пролила на себя серную кислоту. Это было в тот вторник.

ЗИНОВИЙ. Прибить её, Рим?

РИММА. Ну зачем сразу грубости, Зина? (*Лене*) Пальто я взяла поносить.

ЛЕНА. Вам идёт, очень-очень идёт!

РИММА. Девочка, ты нашего мальчика не видела? Мы потеряли сына.

ЛЕНА. А я – вот! Смотрите, моя дочка!

ЗИНОВИЙ Где ты взяла-то её, шалава малолетняя!

РИММА Что творится, что творится, скоро на улицу нельзя будет выйти! (*осторожно*) Кто тебя... От кого у тебя ребёночек, девочка?

Лена показывает на памятник.

ЛЕНА. От него. Вам нравится моя дочка?

ЗИНОВИЙ. Римка, что я ненавижу, так это разврат. Я б таких давил. Вместе с приплодом. Хоть бы ты людей постыдилась, малолетка растленная!

РИММА Зина, без грубостей! Не люблю я грубости! Девочка, ты ведь знаешь Петю Лазуткина? Мы его родители. Мы его ищем. Сразу после нового года наш мальчик, наш сын пропал! А скоро ведь крещенские морозы!

ЛЕНА. Я за ним бежала, бежала, до самого до нашего дома Полярников. Но внезапно начался сильный буран и Петю замело. И больше я его не видела. Никогда. Мне жаль.

ЗИНОВИЙ. Найду, ремнём отхожу по жопе, чтоб родители больше не убивались бы!

ЛЕНА.*(указывает куда-то за их спины)* Начинается. Синоптики предупреждали. Сейчас закружит, завертит и видимость станет нулевая. Пора расходиться по домам.

И вот блеснуло на миг за домами северное сияние, и выбежала первая старуха в белой балетной пачке. Прячется до поры в переулке..

ЗИНОВИЙ. У тебя больше нет дома. Иди, куда хочешь.

Первая старуха затанцевала на краю их зрения, её обвивает метель. Герои её, до поры, не замечают.

РИММА. Зина, без грубостей. Она всё-таки мать. На, тебе, девочка, булочку.

*Но Лена испуганно пятится от Лазуткиных. Прячется в сень Памятника. Она видит - за спинами Лазуткиных мешки полопались и из них выпорхнули **СТАРУХИ** в балетных пачках. Старухи бормочут: "Отдай квартиру, обманицик-риэлтер!" Старухи кружатся метельно - вьюжно. Бросаются на Римму и Зиновия и уволакивают их в подворотню.*

Старухи в пачках, освобождённые из мешков, их зимний танец страшной убивающей зимы.

Метель вьётся, кружится, воеет, бросается к ногам Лены.

ЛЕНА Синоптики предупреждали.

Входит Петя, он еле волочит ноги. Замечает Лену и, поражённый, замирает. Лена надменно проходит мимо.

Метель, приручённая, серебряной струйкой вьётся у её ноги.

ПЕТЯ. Зацепина.

Лена не отвечает.

Лена.

ЛЕНА Ну что тебе?

ПЕТЯ Ты что? Ты красивая?

ЛЕНА. Не знаю. А ты?

ПЕТЯ. Я себе отрезал это. Это место.

ЛЕНА(*смотрит на живот Пети*). У тебя там штаны мокрые. Это кровь ?

ПЕТЯ. Зато она меня больше не тронет. Не станет всовывать меня в себя, как сумасшедшая! В дыры свои бездонные. Соскользнёт с меня. Зацепиться-то не за что! Не ухватить меня! Я теперь гладкий и ровный, как баклажан!

Прносятся под небом над домами Электрик с Марьей Петровной в обнимку, с ликующим криком: "В Туймазы!!!"

Дети их не видят, детей милосердно заслоняет метель.

ЛЕНА(*тепло*) Баклажанчик. Мне нравится.

ПЕТЯ. Сам в себе – а наружу – ничего!

ЛЕНА Наружу – много взрослых! Взрослые – огромные.

ПЕТЯ Взрослые – бездонные. Меня воняет ею. От меня она прёт. Отмыться – никак. От неё – столько запахов плохих. Столько жидкостей и столько разных звуков. Она разрослась вокруг меня, как электрическое облако. Я – шагу без неё! Я боялся всё время. Марья Петровна, под предлогом химических опытов, оставляла меня после уроков, и, заперев в лаборантской, отбирала мои трусы и вертела меня, как хотела.

ЛЕНА.(*рассеянно-холодно*). Бедный. Как ты мучился, как ты мучился. (*порывается уйти*).

ПЕТЯ. Взрывала, хохотала. Никто не мог её остановить. Какой из меня лётчик после этого? А мама и папа надеются!

ЛЕНА (*важно*) Вот я – мама. Видишь, у меня есть дочка.

ПЕТЯ. Дай подержать?

ЛЕНА. Нет. Это моя дочка.

Лена хочет уйти, но Петя тащится за ней.

ПЕТЯ. Лена, не уходи, пожалуйста.

ЛЕНА. Почему?

ПЕТЯ Не знаю.

ЛЕНА. Ну хорошо. Постояю с тобой. Только не шуми, моя дочка заснула. (*напевает колыбельную*).

ПЕТЯ. Лена, ты, правда, красивая?

ЛЕНА. *(равнодушно)* Не знаю.

Вбегает сержант ШКРАБА с фотографией. Рыскает по двору.

ПЕТЯ. Твою квартиру мои родители забрали. Они риэлтеры. Они копят деньги мне на образование.

ЛЕНА Ну и пусть.

ПЕТЯ А где же ты будешь жить с дочкой?

ЛЕНА Не знаю.

ПЕТЯ. Можно, я буду твоим мужем?

ЛЕНА Зачем?

ПЕТЯ Мы будем вместе. Всю жизнь. Ты, я. и дочка.

ЛЕНА Отец, мать и дочка.

Танцуют. Шкраба их как будто и не видит. Для него двор пустой, только в глаза ему забивается снег.

ПЕТЯ Дай посмотреть.

Петя смотрит.

А как мы её назовём?

ЛЕНА *(любуйсь дочкой)* А назовём мы её Марья Петровна...

ПЕТЯ. Зачем?!!

ЛЕНА. Она самая умная, самая сильная, самая добрая в мире. Я так мечтала, чтоб она стала моей мамой! А стала – моей дочкой.

Шкраба дотошно обследует всё пространство, неуклонно приближаясь к детям. вот-вот наткнётся на них, и в этом большая опасность для них. Но вот Старуха в рваной после драки пачке бросается к Шкрабе и затанцовывает его до полусмерти, а дети продолжают свой разговор.

ПЕТЯ. Тогда и моей. Нашей.

ЛЕНА. Нашей. Раз мы муж и жена.

ПЕТЯ. Раз мы муж и жена.

Дети с младенцем взбираются на постамент Памятника и вся группа становится ледяной и прекрасной.

*Старуха отваливается от Шкрабы. и он утыкается в мемориальную доску на стене.
Сержант Шкраба сверяет фото с бронзовым профилем ПАОЛО на мемориальной доске.*

ШКРАБА. Це ж вот же он! Як я не заметил раньше? Он это! Вот ты где сховался, гнида!
(кричит) Товарищ майор, нашёл! Я его нашёл!

*Вспыхивает, вспыхивает вспыхивает над домами северное сияние.
И гаснет. И замирает всё. Будничная зимняя ночь.*

ЭПИЛОГ.

Квартира Паоло.

*Паоло расхаживает по комнате. Таджик спит, уронив голову на стол.
Паоло трогает чайник.*

ПАОЛО. Чайник остыл. Но – ставить новый времени нет. И так, они стали жить вместе – девственница, младенец и кастрат. Мне жаль, таджик, что не дослушал ты до конца историю моих соседей. Но – пора!

Паоло осторожно теревит Таджика за плечо. Тот вскакивает, ошалело вертит головой, спросонья не понимая, где он находится.

ТАДЖИК. Снег чистить! ЖЭК заругается!

ПАОЛО. Гс-сс... Скоро сюда придут. Нужно успеть. Помоги.

ТАДЖИК. Пусти меня, старик. Меня уволят! Я деньги отправляю на Памир...

ПАОЛО. Молчи!

Паоло запускает руку в брюхо чучела белого медведя и достаёт рулон прозрачной кальки.

Помоги.

Паоло и Таджик разворачивают рулон – на нём проступают какие-то контуры.

Теперь – сюда.

Паоло и Таджик прикладывают кальку к карте СССР, та сливается с калькой и – ярко, прекрасно засияла небывалая страна.

ТАДЖИК (молитвенно) Хульбук!

ПАОЛО. О нет, друг, ещё дальше! Хульбук – мальчишка по сравнению с этой страной! Да, я нашёл её! Я нашёл её в 41 году, когда весь мир рушил и бомбил себя – я увидел из своего самолёта – в арктических льдах её – Гиперборею! Праматерь всех цивилизаций! Туда, откуда вышли наши с тобой пра-предки – древние арии, брат-таджик!

ТАДЖИК. Ты знаешь путь, Паоло?

ПАОЛО. Я знаю путь, Таджики! Я начертил эту карту и стал ждать. Только слившись с картой недавно умершего государства, она могла указать путь в Гиперборею. И вот это государство умерло. Путь был открыт. Но один я не мог, я боялся сойти с ума в бескрайних полярных льдах, Мне нужен был товарищ, тот, что благоразумно прячет кусочки сахара на груди, зная, как пригодятся они в ледяных скитаниях. И ты пришёл, огнепоклонник. Во льдах твой огонь нас спасёт. Твой огонь и сахар. Ты готов, брат?

ТАДЖИК. Я готов, брат.

Таджик снимает с себя оранжевую куртку дворника и остаётся в белоснежных одеждах зороастрийца.

Паоло прислушивается.

ПАОЛО. Они идут. Им не нужна Гиперборея. Истина, которую она хранит не нужна! Им нужно тайное оружие гиперборейцев. Власть над миром нужна им. Как будто этот мир можно удержать в руках. Они думают, что я нашёл такое оружие.

В дверь звонят. Потом стучат.

Они боятся, что я сотру этот мир. Но мне не нужен их мир. И мне не нужна власть. Мне нужен только один этот город.

В дверь ломаются.

Паоло берёт Таджики за руку и подводит к чучелу белого медведя.

Гиперборея, как шкура моей матери – белой медведицы, она вберёт в себя этот город и спрячет его навсегда, навсегда. Никто никогда его не найдёт! Лишь случайный лётчик будет видеть его иногда дрейфующим среди арктических льдов, мерцающим своими алыми звёздами, звенящим призрачными колоколами. Но никто не поверит лётчику. Полярное сумасшествие, мереченье, вот удел этого лётчика. Постепенно этот город забудут. Он сотрётся из памяти народов, как прекрасная и страшная сказка. Вперёд, Таджики! Домой, таджик!

Дверь выламывают. И в тот же миг Паоло, а следом Таджики входят в чучело белого медведя, исчезают в нём.

Врывается Отряд.

ШКРАБА. Товарищ майор. Чайник тёплый! Они где-то здесь!

БОЕЦ. Товарищ майор, вот...

Боец протягивает Майору куртку таджика.

МАЙОР. (читает) РЭУ-5. Да. Какое пугающее одиночество.

Бойцы обыскивают комнату, заглядывают под кровать... Осматривают чучело.

Майор равнодушно осматривает карту СССР.

Он грезил прошлым. Отживший старик.

ШКРАБА. Да товарищ майор, да брехня всё это! Ну не может такого быть, что какой-то полярный лётчик, нашёл тайное оружие Гипербореев. Тем более, он уже хрен старый. Уже не соображает ничего. (О чучеле) Зверя такого дома держит! Он того – башкой подвинутый! Да если б он нашёл, он бы разве так жил? У него ж ничего нету, все вещи старые, Зверь и тот молью поеденный. Да нет, товарищ майор, вы даже не расстраивайтесь. Ничего он не нашёл. Нашёл бы, давно бы уже все узнали про это! Сказалось бы!

МАЙОР. Тайное оружие гипербореев способно уничтожить не только нашу державу, не только планету, но и всю вселенную! Если этот Паоло озлобленный, обиженный, эгоистичный человек, ведь ему приходится жить на крошечную пенсию, всеми забытым и заброшенным, вот, единственный друг – дворник... Одинокие люди часто дружат с дворниками. А ведь он, этот полярный лётчик, верой и правдой служил своей Родине, Герой Советского Союза, Кавалер ордена Сталина, Кавалер ордена Ленина, Кавалер... да что их перечислять – ни почестей, ни славы, лишь никому не нужная табличка на стене дома... По-человечески мне его жаль, но, товарищи, мы стоим на страже государственной безопасности нашей страны. Мы не можем поддаваться эмоциям. Если в руках такого безумца оружие гиперборейцев, мне страшно подумать, как он распорядится этим оружием.

Бойцы заканчивают осмотр комнаты.

ШКРАБА (дурашливо) Ну нету ж его нигде! Может он в окно улетел совсем?

Шкраба идёт к окну, но Майор властно останавливает его.

МАЙОР. Отставить, боец Шкраба! Отойдите от окна. Я сам.

Шкраба неохотно отходит.

Майор решительно подходит к окну, и, секунду помедлив, отдёргивает штору. Смотрит в ночь.

Потом оборачивается к своим товарищам, страшно бледный .

Он сделал это! Проклятый лётчик! Сделал! Он забрал с собой Москву!

И тут же весь мир рушится вокруг группы вооружённых людей и с неба валятся ледяные глыбы, те, которые дали трещину ещё в актовом зале школы. Но, долетая до земли... хотя нет и земли больше, долетая до той точки, где ютятся товарищи бойцы (а их пытается укрыть, спасти храбрец Майор,) эти ледяных мегаглыбы рассыпаются в пыль и хлещут на людей уже сплошным серебряным потоком.

ЗАНАВЕС.

28 марта 2009г.

Пьеса печатается в авторской орфографии и пунктуации.